

ПРОСТАЯ ДУША

1

Катю, портниху, не знали? Очень хорошая была портниха и брала недорого. А уж наговорит, бывало, во время примерки, пока с булавками вороту ползает по полу, – прикладывает, одергивает, – узнаете все, что случилось захватывающего на Малой Молчановке. А если начнете бранить, – отчего обещала и не принесла платье, – заморгает глазами:

– Верю, верю, мадам, вы совершенно вправе сердиться.

Вывески у Кати не было, жила на Малой Молчановке, в низку, на углу, против Николы на Курьих Ножках, когда войдете в ворота, – направо ее дверь.

Катя весь день сидела у окошка, откусывала нитки, встряхивала кудрями, – кудри свои, не подвитые. Помощница, веснушчатая девочка, наметывала платье на манекене. В комнате две клетки с птицами, картонки, свертки повсюду, перед зеркальцем бумажные розы и карточки на стене.

Госпожа Бондарева, докторша, всегда – пойдет гулять – остановится у окошка, разговаривает:

– Катя, опять вы меня обманули, не принесли платья. Вы, Катя, бессовестная.

– Извиняюсь, мадам, здравствуйте. Я вас вполне понимаю, что вы окончательно вправе сердиться.

Катя небольшого роста, в шелковых чулках, в башмачках с большими бантами, в синей юбке, до того короткой и легкой, что – бежит по улице с картонками, все на нее косятся! премиленькая фигурка. И всегда, выходя со двора, накидывала синюю же душегрейку с мехом, – будь хоть июль месяц, – пекло: мех Кате к глазам.

А глаза очень были недурны: ясные, иногда чуть-чуть припухшие, не то от слез, не то от бессонной ночи.

Но судить ее никто не смел. Катя была девушка холостая, одинокая, сама на себя работала, а если и влюблена была постоянно, в особенности по осени и в осенний сезон, то, может быть, и сама не рада была своему такому характеру и делала это совсем не для того, чтобы досаждать заказчицам.

2

Давно это было – летом. Работала Катя домашней портнихой у докторши Бондаревой в Серебряном Бору, на даче "Ландыш".

С утра вертит машинку, улыбается полотняным строчкам, пожимает плечиками, потом облокотится и глядит в окно. Ах! Воспоминания!

За окном жара, стонут куры, скрипит гамак, маются между сосен барышни, сестры Бондаревы. За кустами, за забором – дзынь, дзынь – прошел кавалерист. Труба заиграла в Фанагорийском полку. Ах! Воспоминания!

Быстро, быстро крутит Катя машинку. Зовут обедать. Она садится к столу аккуратно, – руки сложила, губы поджала, – все, как полагается девушке с самолюбием. Бондарев извиняется перед ней, что в подтяжках, пьет водку, отдуваяеь, глядит в суп. Барышни томятся, не хотят кушать, мальчишки Бондаревы, недоступные никакому воспитанию, крошат хлеб, щиплются под столом, от докторши пахнет Валерьяном, одна Катя сидит в мечте. На вопрос: "Еще, Катя, супу?" – вздрагивает.

– Мерси. Аппетиту нет.

Какая там еда! В шесть часов Катя складывает шитье, отряхивает юбку от ниток и бежит на террасу, зовет Капитолину, горничную, – она в полном подчинении у Кати и тоже в мечте.

– Капитолина, идите брать урок танцев.

Капитолина появляется из-за погребницы, на ходу вытирает руки, бросает фартук в акацию. Катя говорит:

– Станьте в позицию. Па-де-катр. Слушайте музыку: "Мамаша, купите мне пушку, я буду стрелять" (так подпевали юнкера на балах). Легче, легче, Капитолина. Воздушной. Не так, не так. Боже мой!

Отстраняет Капитолину и, подобрав юбку, летает по балкону.

– И-ах! И-ах!

А вечером, не загаснет еще заря, не высыпают еще звезды над высокими соснами, над Ходынским полем, – уж несутся издалека звуки вальса. Ту... ту... ту... – трубят фанагорийцы в медные трубы на берегу Москвы-реки, на кругу, за лесом.